

**Алексей
ПОЛУБОТА**

г. Реутово
Московской области

ФРОНТОВЫМИ ДОРОГАМИ ЛУГАНЩИНЫ

Затаенная тревога

*В 20-е годы прошлого века
был популярен плакат:
«Донбасс – сердце России».
Едва взглянув на него,
легко понять задумку автора:
по многочисленным дорогам, как по венам,
поступает в разные части страны уголь –
тогдашняя «кровь» экономики.*

*Сегодня можно без преувеличения сказать,
что Донбасс – снова сердце России.*

Но в другом смысле.

*Именно с этой землей вот уже девять лет
связана боль и надежды всех неравнодушных
граждан, всех государственников страны.*

*В декабре прошлого года,
в который уже раз с начала Русской весны,
автор этих строк*

*приехал на многострадальную
донецкую землю*

*в качестве военкора и волонтера.
Предлагаю читателям свои заметки
об этой поездке.*

На первый взгляд Луганск кажется вполне мирным городом. Ходит общественный транспорт, работают магазины и общепит, люди без опаски передвигаются по улицам, решают свои будничные дела. Разрушений почти не видно. Их много было в 2014 году, когда город подвергался варварским обстрелам со стороны украинских карателей. Но с тех пор постепенно Луганск залечил свои самые тяжелые раны. Однако стоит приглядеться, и приметы войны, которая восемь лет стояла у стен города, а теперь отодвинулась примерно на сто километров, становятся отчетливо видны. Среди прохожих очень мало мужчин молодого и среднего возраста. А из тех, что встречаются – большая часть одета в военизированную одежду.

На лицах женщин – затаенная тревога ожидания своих мужчин. А на некоторых и – скорбь.

В Луганске очень плохо со связью. С на-

чалом СВО на большей части ЛНР был отключен мобильный интернет. Симки российских операторов мобильной связи здесь бесполезны и даже опасны. Позвонить с большинства из них нельзя, а вот враг с помощью специальных электронных устройств, стоит обладателям таких сим-карт оказаться в прифронтовой зоне, вполне может вычислить местонахождения россиян, не выключивших свои телефоны. И если вдруг по ту сторону линии боевого соприкосновения решат, что эта группа неосторожных гостей – подходящая цель, обязательно пустят туда ракеты или снаряды.

Плохо в столице ЛНР и с бытовыми благами. Во многих домах и квартирах нет воды и отопления. Горячая вода вообще предмет роскоши. И все же на фоне других городов республики Луганск – островок благополучия и относительно мирной жизни.

Именно из-за того, что город стал недосягаем для обстрелов украинской армии, здесь до отказа забиты все гостиницы и общежития: в них селят военных и строителей из «большой России».

Да, восемь лет мы, те, кто по мере сил старались помогать непризнанным донбасским республикам, говорили: Донецк и Луганск – это тоже Россия. Но на душе скребло оттого, что эти земли, а главное, люди, на них живущие, во многих отношениях оставались в тяжелой неопределенности. И вот теперь можно с каплей гордости осознавать, что судьба Донбасса решена, он уже и по Конституции стал частью нашей страны.

В «красной зоне»

Однако многое надо еще сделать, чтобы на эти многострадальные земли вернулась мирная жизнь. Небольшая делегация, или, если угодно, мобильная группа из трех человек, в которую вошли члены Союза писателей России и клуба «Словороссия», приехала в ЛНР для того, чтобы доставить гуманитарную помощь, закупленную на пожертвования неравнодушных россиян, в прифронтовые города Лисичанск и Рубежное, а также провести две литературно-музыкальные встречи: перед ранеными бойцами и учителями с освобожденных территорий.

Первая задача нашего литературно-гуманитарного десанта – отвезти гуманитарную помощь в Лисичанск для разведчиков 4-й Бригады народной милиции ЛНР. Мы везем бинокли, рации, теплую одежду, бронезилеты, продукты и

медикаменты. А также открытки с патриотическими стихами современных русских поэтов и письма детей солдатам. Хотя вооруженные силы республики официально как бы уже относятся к Российской армии, процесс реорганизации в боевых условиях идет небыстро. Поэтому в частях бывшей народной милиции порой не хватает самого необходимого снаряжения. И даже простые бинокли или рации сильно облегчают выполнение боевых задач.

Привычные навигаторы в смартфонах из-за отсутствия мобильного интернета не работают, поэтому приходится ориентироваться на дорожные указатели и старинный русский принцип: «Язык до Киева доведет». Хотя в нашем случае, как пошутил участник нашего десанта, поэт Руслан Кошкин, в Киев пока рано. Скачанные заранее карты здесь тоже плохие советчики. Как узнаем мы от местных, во многих случаях лучше двигаться в объезд, поскольку дороги разбиты военной техникой либо ведут напрямиком к «украмам».

Этот декабрьский день, вопреки прогнозам синоптиков, выдался в Донбассе слегка морозным и солнечным. Среди светлых степных просторов особенно больно видеть чернеющие разрушения в освобожденных городках и поселках. Чем ближе к передовой, тем их больше. До сих пор здесь не редкость «прилеты» украинских снарядов и ракет. Как мы позднее узнали из новостей, даже в относительно далеком от фронта городе Счастье за несколько часов до того, как мы проезжали его, американскими ракетами HIMARS были разрушены несколько частных домов, четыре человека погибли и столько же получили серьезные ранения. К тому, что приходится жить в условиях смертельно опасной лотереи, люди как бы привыкли (хотя полностью привыкнуть к этому невозможно). Это можно сравнить с тем, как в мирной жизни мы смирились с тем, что автотрагедии неизбежны. С той только разницей, что, уйдя с дороги, оказываешься в безопасности. А вот стопроцентной гарантии уберечься от «прилетов» в прифронтовой зоне быть не может, даже если сидишь в подвале. Да ведь и нельзя же в нем сидеть бесконечно!

За Новоайдаром уже слышен грохот артиллерийских дуэлей. Поэтому, когда едешь через обгоревший сосновый лес и видишь дым, не сразу понимаешь – это дым из трубы замаскированной армейской землянки или последствия недавнего разрыва снаряда.

На блокпостах перед каждым городком или по-

селком у нас проверяют документы, спрашивают цель поездки, осматривают машину. Некоторые молодые бойцы начинают разговаривать с напускной серьезностью, но потом, особенно если пожелаешь удачи или подаришь пачку сигарет, смягчаются, как-то по-детски открыто улыбаются, охотно объясняют, как проехать.

В Северодонецке обугленные многоэтажки нависают над дорогой. Это можно было бы сравнить с виденной в каком-то фильме картиной апокалипсиса, но сравнивать не хочется, потому что в реальности намного страшнее. Вот в этих домах еще недавно жили люди. Где они теперь? Уцелели, успели уехать до начала ожесточенных боев или их безымянные тела по частям извлекали из-под завалов и хоронили в братских могилах?

Мы останавливаемся возле привлекшей внимание надписи на бетонном заборе: «Пожалуйста, спасите наш город от нацистов», хотим сфотографировать ее.

Тут же возле нас притормаживает машина с военным патрулем. Спрашивают, что мы здесь делаем. «Осторожнее, по газону не ходите, мины могут быть», – говорят нам, в очередной раз посмотрев документы.

В Северодонецке мы сбиваемся с дороги, долго блуждаем по улицам промзоны, где военные грузовики и бронетранспортеры встречаются чаще, чем легковушки. Короткий зимний день уже близится к исходу. Солнце тускло просвечивает сквозь наползающие облака. Грохот разрывов становится глуше. Изредка слышно даже стрелковое: видимо, где-то недалеко пытаются сбить беспилотник. Наконец после долгих блужданий нам удается найти понтонную переправу через реку Северский Донец рядом с разрушенным мостом. По ней въезжаем в Лисичанск. Здесь должны ждать нас бойцы. Но связи с ними нет. Почти. Изредка, на двадцатый раз по местному номеру удается дозвониться, услышать несколько прерывающихся фраз и снова – короткие гудки. Наконец пишем несколько смс с названием улицы, где остановились, с описанием местных примет, решаем ждать бойцов здесь, чтобы окончательно не потеряться или не захватить на линию боестолкновения.

Музыка надежды в разбитом доме

Мое внимание привлекают написанные на старых покрышках, сложенных на месте разбитого забора, надписи: «Живут люди», «Дети»,

«Не лезть». Глядя на разбитый дом за импровизированным «забором», трудно поверить, что здесь кто-то может жить, тем более дети.

«Когда стало ясно, что тут будут бои, я уехала с детьми на Урал к родным, – доверчиво рассказывает Ирина Софронова, живущая в разбитом доме. Видно, что ей мало с кем удастся говорить в последнее время, и она спешит выговориться перед нами, случайными людьми, окликнувшими ее. – А мой муж остался приглядывать за домом. Мы, когда приехали с детьми, откапывали его во дворе по частям...»

По словам Ирины, украинские военные, отступая, не жалели город, старались максимально сровнять его с землей. При этом местных жителей всеми способами не пускали на территорию, подконтрольную России. Грозил уголовным преследованием. Были и случаи, когда небольшие колонны выезжающих в ЛНР мирных жителей Лисичанска расстреливали из орудий. Хотя были и те, кто охотно поехали в глубь Украины, привлеченные рассказами о больших пособиях и бесплатном жилье. Однако большая часть обещаний оказалась неправдой.

Ирина вместе со своим двадцатилетним сыном ведет нас в дом, где нет ни света, ни воды. Совсем недавно гуманитарщики передали печку-буржуйку. Поэтому в одной из комнат – почти тепло, когда есть достаточно дров. Ирина показывает нам разбитую снарядом стену в одной из комнат, затянута пленкой окна без стекол.

Как чудо – в холодной мгле комнаты начинают звучать неуверенные, тонкие, ранящие сердце звуки пианино. Оля, младшая дочь Ирины, очень любит музыку. Даже немного сочиняет сама. «Мы при Украине в конкурсах участвовали, – улыбается мать, показывая видео на смартфоне. – Нас не хотели допускать, потому что Оля песню на русском пела. А в приоритете были украинский и английский, но я настояла, и мы заняли второе место».

Мать с гордостью смотрит на дочь, которая замерзшими пальцами перебирает клавиши. Оля и сейчас продолжает ходить к преподавателю музыки, который бесплатно под грохот близких разрывов учит ее прекрасному.

Несмотря на бесконечную стрельбу, наши знакомые боятся сейчас не столько прилетов, сколько одичавших собак на улицах. Они, найдя трупы в подвалах, уже не раз пробовали вкус человечины...

«Главное, стрелять стали меньше, я надеюсь, что после Нового года здесь уже будут действо-

вать российские законы, – улыбается мать, – пока очень много беспорядка в администрации и мизерные пособия».

Невозможно вот так просто уехать от этих людей, которые, вопреки всему, настроились зимовать на родной земле. Мы приносим им несколько пластиковых контейнеров с медом, передаем часть пожертвованных нам на «гуманитарку» денег. Светлана Размыслович, поэтесса из Великих Лук, на прощание в эмоциональном порыве снимает с себя золотые сережки. Протягивает Ирине: «Подарите дочери на Новый год. Ведь праздник скоро. У меня сыновья тоже музыкой занимаются, на аккордеонах хорошо играют. Мы еще устроим выступление для вашей дочери!»

«Нам попадать в плен нельзя»

Наконец уже в сумерках подъезжает разбитая, потрепанная машина с бойцами. «Придется вам, ребята, ночевать у нас, в расположении, – первое, что мы слышим. – По темноте в Луганск возвращаться еще опаснее, чем оставаться здесь, в «красной зоне»».

А мы и не против. Многие хочется услышать от этих прошедших огонь и воду и пока обойденных медными трубами людей.

Мы передаем им привезенные вещи. Они не ловко и искренне благодарят. Новый бронезилен уже через несколько часов будет надет – Сергею, разведчику, который пригласил нас на ночлег, рано утром идти на боевое дежурство. Отслеживать вражеские беспилотники, наводить свои БПЛА на цели противника. На таких бойцов враг буквально охотится. Как признаются они, всегда с собой должна быть «подружка» – граната. «Нам попадать в плен нельзя», – говорит Сергей. Восемь лет назад он начинал воевать простым ополченцем, когда в отряде не на всех хватало автоматов Калашникова и порой приходилось пускать в ход противотанковые ружья времен Великой Отечественной войны. Сейчас вооружение, конечно, стало более современным. Но и враг несравнимо лучше вооружен и подготовлен, чем в 2014 году. Как и прежде, бойцам народной милиции ЛНР нередко приходится воевать отбитым у противника оружием.

При нас бойцы изучают увиденный с помощью специальных электронных средств украинский квадрокоптер. Теперь, после определенных манипуляций, он должен послужить нашей армии.

Именно рядом с такими простыми бойцами

чувствуешь – вот они, настоящие герои этой войны, которым в голову не придет хвастать своими подвигами. Они воспринимают войну как тяжелую и нужную работу, которую надо довести до конца. Открыв контакты в старом телефоне, они вдруг понимают, что из тех, с кем начинали воевать восемь лет назад, в живых остались единицы, и тем не менее, а может быть, как раз поэтому никто из них не покинет добровольно боевых товарищей. Пока хватает сил, пока на месте все части тела, они будут защищать свою многострадальную луганскую землю и всю Россию.

Слушатели в инвалидных колясках

Следующая наша цель – выступление в госпитале перед ранеными бойцами. Ни свет ни заря уезжаем от своих новых друзей в Лисичанске. Ночью прошел ледяной дождь, и дорога превратилась в коварную скользкую полосу, с которой проще простого свалиться в обочину, а то и – с очередного полуразрушенного моста. Едем, меняясь с Русланом, на скорости 20-30 километров, и все равно в одном месте едва не сталкиваемся лоб в лоб со встречной машиной. Ее водитель что-то кричит, беззлобно обзывает нас «бестолковыми москвичами», но в конце концов устало машет рукой: «Да я все понимаю...»

Начало выступления в госпитале назначено на 10 утра. Доехать от Лисичанска до Луганска в довоенные времена можно было за час-полтора. Теперь же мы едем больше четырех часов и едва успеваем войти в переполненный бойцами зал. Там уже начали читать стихи наши луганские товарищи по перу – поэты, члены Союза писателей России Светлана Тишкина и Марк Некрасовский

Честно говоря, когда с их помощью я договаривался о выступлении перед ранеными воинами, закрадывалось сомнение: до стихов ли им сейчас? Не правильней ли будет просто передать гуманитарную помощь?

Но когда я увидел вот этот напряженный зал и устремленные на нас серьезные глаза, сразу понял: не зря. Пожалуй, трудно найти сегодня более внимательную аудиторию. Бойцы вслушивались в наши поэтические строки, как будто пытались разгадать какие-то заложенные в них шифры, которые помогут найти ответы на волнующие их вопросы. Они живо реагировали аплодисментами на патриотические стихи о войне в Донбассе, о России. Но когда зазвучали юмористичес-

кие зарисовки Марка Некрасовского, атмосфера стала более непосредственной, из зала зазвучали шутки: «Вы – поэты, а мы – музыканты». Для тех, кто вдруг не в курсе, «музыкантами» называют воинов из ЧВК «Вагнер». Стихи звучали более часа, а бойцы, иные из которых были на инвалидных колясках, не спешили расходиться, наоборот, просили почитать еще. А в конце подходили пожать руку, поблагодарить за моральную поддержку. На встрече мы раздали раненым письма, которые дети и взрослые писали в рамках акции «Письмо солдату», организованной подмосковным отделением Союза машиностроителей России совместно с Союзом писателей России. Подарили открытки с сокровенными местами России, сделанные на основе прекрасных фотографий реутовчанина Сергея Карюхина, и книги патриотической поэзии «ПоЗыВной – Победа!», «Стихи из огня» и «VOЗвращение домой».

Вечером, когда до больницы добралась машина с нашей гуманитарной помощью, можно было наблюдать, как еще не долечившиеся бойцы с повязками участвуют в разгрузке. Они засиделись в своих палатах и торопятся доказать, себе в первую очередь, что дело идет на поправку и силы вернулись к ним.

Трудное возвращение домой

В Луганском государственном педуниверситете более двухсот учителей проходят профессиональную переподготовку. Долгих восемь лет они преподавали на территориях Луганской народной республики, контролируемых бандеровским режимом. Русский язык изгонялся из школьной программы в этой части Луганщины, несмотря на то что это всегда был преимущественно русскоязычный регион. Восемь лет агрессивной антироссийской пропаганды практически без источников альтернативной информации сделали свое дело. Многие учителя насторожены и напуганы. Некоторые боятся возвращения украинской армии. Для кого-то стала трагедией потеря близких или разрушение дома в ходе недавних боев. Тем важнее, как считает доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета, директор Института профессионального развития ЛНР Оксана Владимировна Шуран, работать с этими людьми, в том числе через поэзию и музыку помочь им вспомнить, что мы и они – одно целое, еди-

ный народ. Действительно, аудитория, где сначала напряженность и доброжелательность боролись друг с другом, постепенно теплела, слушая выступления поэтов из «большой России». А когда зазвучали старые любимые песни в исполнении подмосковной певицы Екатерины Нистрян, зал начал подпевать. Знаменитую песню из кинофильма «Офицеры» слушали стоя.

На следующий после литературно-музыкальной встречи день учителям с освобожденных территорий ЛНР были переданы новогодние подарки. Часть гумпомощи отправилась на фронт к преподавателям ЛГПУ, мобилизованным в армию. Да, время такое, что воюют здесь даже преподаватели с кандидатскими и докторскими званиями. Слава богу, совсем недавно вернули с фронта мобилизованных еще до возвращения ЛНР и ДНР в состав России студентов.

Поверженный обелиск «хероям»

Еще одна цель поездки – город Рубежное. Туда должны приехать две машины с гуманитаркой, собранной жителями Подмосковья и сотрудниками оборонного предприятия «НПО машиностроения». А наша цель – сделать фоторепортаж и со своей стороны раздать гуманитарную помощь, купленную на пожертвования, переданные нам лично.

На полпути останавливаемся в Новоайдаре, здесь условленное место встречи с грузовыми машинами, которые несколько часов назад подъезжали к бывшей государственной границе с Донбассом, а теперь ожидаемо пропала связь и с их водителями.

Мое внимание привлекает поверженный памятник украинским «хероям» из ВСУ. Сам бы я, пожалуй, крушить обелиск не стал, но и тех, кто сделал это, понимаю и не осуждаю. Возможно, и были в украинской армии профессиональные военные, которые просто выполняли свой долг, оставаясь верными однажды данной присяге. Но на всех укровояках без разбора, вне зависимости, стреляли они по мирным кварталам или нет, лежит позор восьмилетнего ползучего геноцида жителей Донбасса.

Напротив заправки ненадолго останавливается колонна крытых грузовиков с бойцами. Завидев их, Света бежит к нашей машине, достает открытки, с напечатанными на них стихотворениями: «Возьмите, пожалуйста, – тянет она руку к борту машины, – это от нас, русских писате-

лей». Через минуту она счастливо улыбается, довольная, что раздала открытки солдатам, которые, быть может, через несколько часов пойдут в атаку.

Больше двух часов ждем мы свои машины. В конце концов решаем ехать самостоятельно. Короткий зимний день уже перевалил на вторую половину, еще 3-4 часа – и стемнеет.

И вновь бесконечные блокпосты, выбоины на асфальте, искореженная военная техника и разрушения по сторонам дороги. Особенно много становится их в самом Рубежном. Если раньше мы фотографировали эти мрачные свидетельства недавних боев, то теперь уже не поднимается рука со смартфоном.

Дожить до весны

В городе периодически слышен грохот артиллерийской канонады – фронт стоит всего в нескольких километрах. Спрашиваем у редких прохожих, как проехать к администрации. Уж там-то, наверно, должны знать, куда привезут сегодня новую партию гуманитарной помощи.

Да, Донбасс сегодня – такое место, где слово «гуманитарка» открывает двери в кабинеты местных чиновников. Впрочем, кабинеты – громко сказано. Меня ведут в подвал, где оборудованы рабочие места для сотрудников администрации. Работать «на поверхности» в зоне досягаемости вражеской артиллерии для тех, кто не побоялся сотрудничать с российскими властями, смертельно опасно. Заместитель мэра смотрит на меня как на свалившегося с луны или прилетевшего на снаряде инопланетянина, который сбивчиво рассказывает что-то о машинах с гумпомощью. Такой информации у него нет.

Наконец (невероятное везение!) – удается дозвониться до депутата Народного совета ЛНР Нелли Задираки, которая как раз сопровождает машины. И удается только потому, что груз уже на подъезде к городу, где работает мобильная сеть.

Под звуки канонады мы помогаем разгружать набитые гуманитаркой машины. Тут и стройматериалы, и матрасы, и обогреватели, и печки-буржуйки, и подарочные продуктовые наборы.

«Я не могу выразить, как признательна неравнодушным россиянам за столь своевременную поддержку, – говорит Нелли Акоповна. – Накануне Нового года дети очень ждут подарков. Нас постоянно спрашивают мамы: а точно ли привезут обещанные наборы с конфетами?!»

По словам депутата, в городе сейчас живет около 14 тысяч человек, из них тысяча – дети. И это уже много, после освобождения Рубежного от украинских войск в городе оставалось меньше двух тысяч человек. При том что до войны было около пятидесяти тысяч жителей.

Еще в начале декабря в Рубежном не было ни света, ни газа, ни воды.

«Сейчас, слава богу, удалось наладить электричество и подачу воды во многие дома, – рассказывает Задирака. – Но наша беда – пробитые снарядами крыши и стены. Из них уходит тепло. Поэтому и строительные материалы для первичного залатывания дыр, и печки-буржуйки, и обогреватели – все это очень вовремя и важно».

К примеру, в городе, несмотря ни на что, продолжает работать школа искусств. Преподаватели балета пока работают с детьми бесплатно, потому что не могут оставить своих подопечных. Поскольку отопления в школе нет, то печки-буржуйки и обогреватели – единственное спасение от холода.

В последние недели благодаря увеличению потока гуманитарной помощи в Рубежном начали работать бесплатные социальные столовые. Это очень важно, поскольку многие люди, особенно пожилые, потеряли в разрушенных домах документы, не могут восстановить их и не получают даже небольшие пенсии.

Все надежды у людей на то, что война отодвинется от окрестностей города и его можно будет начинать восстанавливать, не опасаясь новых разрушений. Примерно 80% жилого фонда, по предварительным оценкам специалистов, подлежит восстановлению.

«Разрушений могло быть гораздо меньше, – рассказывает житель Рубежного, общественный активист Олег Кардюков. – Но как только украинские войска отошли отсюда, они начали неизбирательно стрелять по жилым кварталам. Можно пройтись по городу, посмотреть, с какой стороны к нам прилетали и прилетают снаряды. Более 90% разрушений – от «слепого» огня ВСУ».

В тех завалах, которые удалось разобрать, нашли около тысячи погибших мирных жителей, говорит Олег. Настоящий геноцид! Город вообще уцелел в буквальном смысле чудом. При отступлении из Рубежного украинские военные заминировали химзавод «Заря» на его окраине. Там находилось около полусотни тонн тротила и аммонала. Если бы, как и планировалось, удалось подорвать эти смертоносные запасы, жизнь была бы уничтожена на многие километ-

ры вокруг. Но на отлично сработали подразделения радиоэлектронной борьбы, которые сумели заблокировать сигнал с мобильного телефона, который должен был привести адский механизм в действие. Кроме того, благодаря помощи местного жителя бойцы российских спецподразделений сумели обойти всю территорию завода и обезвредить оставленные ловушки. С таким вот врагом, действующим по лекалам немецких нацистов, мы имеем дело.

Ну а мы едем в общежитие для беженцев в Рубежном, где живут люди, чьи дома разрушены и которым некуда податься. Фасуем пакеты с продуктами, раздаем по одному на комнату. Люди реагируют по-разному. Большинство – сдержанно благодарит. Некоторые, как правило пожилые женщины, не могут сдержать слез. Одна старушка, остановившись в проеме двери, рассказывает свою историю. Оставить ее, недослушав, невозможно.

Когда началось сражение за город и вокруг загрохотало, она в чем была побежала с соседками в подвал. Один из снарядов попал в дом, и он загорелся.

«Мы сидели в подвале и чувствовали, что огонь подбирается все ближе, – говорит она дрожащим старческим голосом. – Мы уже начали задыхаться, но боялись выбежать, потому что прямо у дома грохотало, шла стрельба. Наконец решились, бросились на улицу, а тут снова грохот. Я подвернула ногу, упала. Лежала на земле и смотрела, как горит мой дом. Потом поползла к

ближайшему забору. И вскоре как раз на то место, где я лежала, прилетел снаряд».

И вот теперь эта одинокая жительница Рубежного, оставшаяся без своего крова и без документов, не может получить пенсию. Живет только на гуманитарную помощь. «Я вижу, что другие хоть какие-то продукты покупают в магазине, – жалуется она. – А я не могу ничего купить, совсем ничего. Мне говорят, потерпите, мы все исправим, но мне уже скоро 80 лет, мне сейчас хочется по-человечески жить...»

И сколько таких вот обездоленных людей, нуждающихся в помощи в эти самые минуты в Донбассе, Запорожье, Херсонской области...

За окнами общежития – тьма. Изредка в свете фар проезжающих машин мечутся бездомные собаки-тени. Вдали – вспышки от разрывов. Мы садимся в машину. Мы измотаны бесконечными дорогами и бессонными ночами, но совсем скоро, через несколько часов, должны быть в Ростовской области, где нет войны, где можно будет остановиться в мотеле, принять теплый душ, выспаться.

А вот эти провожающие нас рубежане остаются в родном городе, который не хотят покидать, несмотря на все бытовые лишения и смертельный риск. И бог весть какие еще испытания выпадут на их долю. Поэтому, уезжая, мы чувствуем невольную вину.

□

Алексей Викторович ПОЛУБОТА

родился в 1975 году в Мурманске.

В 2000 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

В этом же году принят в Союз писателей России.

С 2018 года секретарь правления Союза писателей России.

Лауреат ряда литературных премий.

Победитель международных и всероссийских литературных конкурсов.

Награжден медалью «Михаил Шолохов»

Союза писателей России и медалью «За Победу!».

В 2014–2022 годах – организатор литературно-гуманитарных акций

в поддержку русского Донбасса,

автор цикла репортажей из зоны боевых действий.

Живет в подмосковном наукограде Реутове.

